

ПОЕТИКА

УДК 821.161.1-1.09

А.С. Волковинский

АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ АЛЛИТЕРАЦИОННЫХ ЭПИТЕТОВ В СТАНСАХ К. ФОФАНОВА

Розглянуті основні архітектонічні моделі алітераційних епітетів у текстах визначеного жанру. Проаналізовано основні архітектонічні моделі, що зустрічаються в стансах Фофанова, характер функціональної ролі алітераційних епітетів у поетичному тексті, засоби актуалізації художньо-експресивного потенціалу в конкретних архітектонічних модифікаціях алітераційних епітетів.

Ключові слова: епітет, архітектоніка, алітерація, строфа, станси.

Работы, посвященные определению архитектурного места и функциональной роли эпитета в конкретных жанровых воплощениях, крайне редки. В 1980 г. Московским университетом был издан сборник статей, в которых рассматривались особенности художественного употребления эпитета в различных жанрах русского фольклора: в былинах, балладах, частушках, загадках, в сказках и в др. [14]. А вот особенности архитектурного расположения эпитетов в литературных (и в частности – поэтических) жанрах не часто становятся предметом исследования в трудах современных филологов.

Сразу же обратим внимание на тот факт, что ни одна из современных классификаций эпитетов не фиксирует такой экспрессивной разновидности этого тропа, как аллитерационный эпитет. В свое время Андрей Белый обратил внимание на необходимость звукового сближения эпитета и слова, им обозначаемого [9, т. 8, с. 922]. В последующей литературоведческой практике Р. Якобсон использовал понятие "эвфонический принцип построения эпитетов" [15, с. 293]. Понятие "эвфонический эпитет" нуждается в уточнении, поскольку явление эвфонии определяется несколькими звуковыми повторами: аллитерацией, ассонансом, рифмой и другими.

Необходимость и целесообразность выделения именно аллитерационного эпитета мотивируются богатым поэтическим наследием рубежа XIX-XX вв. "Никогда раньше поэты не уделяли так много внимания звуковой инструментровке стихов, как в этот период" [12, с. 287]. Принципиально качественным этапом в развитии мировой поэзии обозначенного периода стало появление символизма. Символизация как художественный принцип и особенность словесного воплощения находит выражение на всех структурных уровнях литературного произведения. Поэтому "аллитерация, как и другие звуковые приемы, широко использовалась в поэзии символизма" [2, с. 11]. Именно благодаря практике мирового символизма получают распространение такие явления, как звуко-символизм и звукообраз.

Особенное внимание символисты сосредоточили на поисках скрытого смысла в конкретных звуковых воплощениях, художественная экспрессивность которых усиливала остроту конкретных аллитерационных эпитетных обозначений предметов, понятий, явлений и т.п. Однако следует принимать во внимание факт поступательности литературного развития, в соответствии с которым существенные качественные изменения подготовлены творческой практикой ряда писателей. В русской литературе роль переходного периода в конце XX в. сыграла практика предсимволизма.

Поэтому анализ художественного текста в аспекте общей архитектоники и функционального расположения в ней аллитерационных эпитетов является чрезвычайно важным. В особенности, мотивация подобных исследований усиливается общими свойствами структуры и семантики поэтического текста. Рассмотрение архитектурного расположения аллитерационных эпитетов в поэтическом тексте предполагает обязательное изучение структуры (состава) и композиции (внутренней организации) стихотворного произведения, синтаксической функции эпитетов, вариантов смыслового наполнения отдельных текстовых фрагментов и целого произведения. Наблюдения над разнообразными видоизменениями местоположения аллитерационных эпитетов в строфических моделях, в разных типах архитектурных построений позволяют определить художественно-экспрессивные возможности одного из первичных элементов тропики – эпитета, а также выяснить ключевые варианты сюжетно-лирического развития через формальные показатели.

Рассмотрение разнообразных вариантов архитектурного расположения аллитерационных эпитетов весьма актуально также с точки зрения общей концепции этого тропа: "Недостаточная разработанность теории эпитетов объясняется, в первую очередь, малым количеством собранного материала" [6, с. 5]. К тому же, исследование различных архитектурных модификаций эпитетов, их функциональной роли в поэтическом тексте и в формировании индивидуального стиля позволяет выяснить характерные особенности лирических произведений того или иного поэта. Архитектурное расположение эпитетов и общие функции, выполняемые ими в тексте поэтического произведения, не только не противоречат проявлениям главных особенностей индивидуального стиля, но и подвергают дополнительной кристаллизации доминантные черты в организации произведения.

Поэтому важными и актуальными представляются исследования, посвященные конкретным архитектурным воплощениям тех или иных разновидностей эпитетов и их функциональной роли в литературно-художественных произведениях, которые остаются интересными в аспекте общей литературной эволюции. Этим требованиям в полной мере отвечает интерес к малоисследованному жанру поэзии – стансам.

Художественная привлекательность этого жанра обусловлена тем, что стансы отличаются очень четкой строфической упорядоченностью, требующей воплощения законченной мысли в отдельной строфе [8, с. 42]. В стансах соединяются все строфические признаки, при этом размер стиха и количество стрóf в произведении не ограничиваются [8, с. 192]. Не

знают стансы и мотивно-тематических запретов. Некоторые исследователи излишне категорично утверждают, что "в русской поэзии стансы – не жанр и не твердая строфическая форма – чаще всего представляют собой четверостишия, законченные по мысли и синтаксически" [1, с. 36]. Однако поэтическая практика А. Сумарокова (1717 – 1777), А. Пушкина (1799 – 1937), М. Лермонтова (1814 – 1841), Е. Баратынского (1800 – 1844) и других свидетельствует о том, что стансы в художественном сознании русских мастеров стиха четко отмежевывались от других жанров.

Вызывает возражение еще одно расхожее мнение, сводящееся к тому, что со "2-й половины 19 в., с постепенным стиранием границ между лирическими жанрами, термин "стансы" выходит из употребления" [9, т. 7, с. 143.]. И термин, и жанр живут в русской поэзии не только во второй половине XIX в., но и в течение XX в. Одной из поэтических страниц, подтверждающей мысль об органичной и полнокровной жизни стансов в русской поэзии, служит лирика К. Фофанова (1862 – 1911). Именно после прочтения "Стансов" этого поэта в 1907 г. Л. Толстой авторитетно заявил: "Лучше поэта нынче нет" [7, с. 580.]. Высокая оценка фофановских стансов позволяет выбрать их в качестве объекта исследования в аспектах архитектурного расположения аллитерационных эпитетов и их семантически-функциональной роли в поэтическом тексте.

Отметим, что употребление термина "архитектоника" в ходе анализа поэтических произведений имеет определенную специфику. По А. Квятковскому, архитектуроника – "общая внешняя форма строения художественного произведения и взаимосвязи его частей. ... К ней же относится строфическое построение стихотворных произведений, так называемые твердые формы стиха..." [5, с. 50]. В ряду таких форм располагаются стансы.

Разбор функциональной роли аллитерационных эпитетов в стансах, для уточнения характера взаимосвязей архитектуронического расположения эпитетов и художественной экспрессивности текста, должен основываться на выделении определенных моделей. При нахождении возможных вариантов архитектуронического расположения эпитетов в поэтическом тексте следует учитывать рекомендации К. Вишневского к оформлению строфических моделей: "Каждую конкретную комбинацию количества строк, метра (или стопности) и чередования каталектик мы будем называть моделью строфы.

Записывается модель строфы формулой: AbAb Я4, aBaBcc An3, AbAbCCdd X42424444, aaBB Am4433 и т. д." [3, с. 55]. Однако нам кажется, что в архитектуронике поэтического произведения – особенно в архитектуронике стансов (напомним, В. Жирмунский относил стансы к "нормальному" типу строфы, отличающемуся таким построением, "в котором метрическому делению на стихи, периоды и строфы соответствует синтаксическое деление на более или менее обширные синтаксические группы, совпадающие с границами метрических единиц" [4, с. 143]) – важное место занимают еще несколько компонентов. Это – анакруза, которая обозначает особенности ритмического начала стиха; клаузула – ритмическое окончание стиха; вторичная волна ритма, синтаксическое оформление поэтической фразы. Различные варианты использования

эпитетов в архитектурной форме поэтического произведения в основных моментах определяются расположением этого тропа в стихе: в начале, в середине, в конце. Поскольку эпитет – это одновременно троп и фигура (А. Потебня), то его повторы выглядят довольно постоянными и определяют своеобразность архитектуры поэтического текста.

В зависимости от архитектурного расположения аллитерационных эпитетов в стансах Фофанова можно выделить такие основные типы сочетаний (инварианты): аллитерационные эпитеты располагаются 1) в позиции анакрузы; 2) в середине стиха; 3) в позиции клаузулы (рифмы).

Фофанов четко обозначил (через названия) стансовую структуру девяти стихотворных произведений. Из них: четыре произведения состоят из трех катренов, два – из четырех; сочетания из шести, семи и восьми катренов – по одному стихотворению. Семь стансов написано четырехстопным ямбом, два – пятистопным. Во всех стансах Фофанов использовал перекрестную рифмовку.

Суммарное количество стансовых стихов – 164. На них приходится 135 эпитетов. Соотношение количества и стихов и размещенных эпитетов составляет около 82 %. Из общего количества эпитетов 55 связаны с определяемым словом одинаковыми согласными звуками. Такое соотношение составляет более 40 %. Процентное соответствие количества стихов и встречающихся в них аллитерационных эпитетов составляет 33,5 %. Эти высокие показатели интенсивности употребления эпитетов вообще, и аллитерационных в частности, служат наглядным доказательством функциональной значимости простейшего тропа в стансах Фофанова.

В 124-х ямбических четырехстопных стихах стансовой структуры фиксируется 100 эпитетов (около 80 %), из них – 42 аллитерационных (42 %); соотношение стихов и аллитерационных эпитетов – около 34 %. В 40-ка пятистопных стихах встречается 35 эпитетов (87,5 %), из них – 13 аллитерационных (более 37 %), соотношение стихов и аллитерационных эпитетов составляет 32,5 %. Как видим, в пятистопных ямбах общая активность эпитетных употреблений заметно увеличена, но аллитерационные эпитеты с большей частотностью употреблялись в четырехстопных ямбах. Эти показатели могут объясняться влиянием размера стиха. В стансах, написанных пятистопными ямбами, Фофанов останавливался не только на номинативной констатации понятий и действий, но и обращал акцентированное внимание на их характерные признаки. Стансы, написанные четырехстопными ямбами, требовали повышения художественной экспрессивности при сокращении длины стихового ряда. Такой запрос был удовлетворен увеличением числа аллитерационных эпитетов.

Начальное расположение аллитерационных эпитетов в стансовых стихах Фофанова (в позиции анакрузы) фиксируется как в четырехстопных, так и в пятистопных ямбах. Аллитерационные эпитеты, открывающие четырехстопные стихи, располагаются в соответствии с законом восходящего начала ("*Жесто́кой и́стины призна́ний*" [13, с. 147]), или с его нарушением ("*У просветле́нного че́ла*" [147]). В пятистопных ямбах аллитерационные эпитеты занимают место в позиции анакрузы только в соответствии с действием закона восходящего начала: "*Слепа́я стра́сть, волну́ясь, живе́т*" [13, с. 104]; "*Воскресе́шее "сего́дня" так похо́же*" [13,

с. 104]; "*Свободный дух им вызвал жизнь однажды*" [13, с. 228]. В каждом конкретном случае совпадения в расположении аллитерационных эпитетов в соответствии с законом восходящего начала или отклонения от него "работают" на архитектурное усиление художественных определений. Независимо от метрической основы стихов архитектурное расположение аллитерационных эпитетов в позиции анакрузы существенно обостряет афористичность фразы. Художественная экспрессия становится особенно ощутимой в тех случаях, когда аллитерационные эпитеты, удлиняющие анакрузу, делают ее не характерной для ямба (трехсложной вместо односложной). Этот прием позволяет превращать фразовый лаконизм в удлиненный ритмический "разбег", что, в свою очередь, открывает путь к широким лирическим обобщениям. В чрезвычайно сложных смысловых конструкциях происходит актуализация их содержания, в значительной степени благодаря искусной архитектурной организации аллитерационных эпитетов.

Чаще других инвариантов Фованов использовал архитектурное расположение аллитерационных эпитетов в середине стиха. В такой позиции аллитерационные эпитеты, становясь смысловым центром, усиливают фонически-содержательные связи между всеми компонентами стиха: "*Где плачут чистыми слезами*" [13, с. 208]. Чистыми слезами "*во имя правды и небес*" плачут "*в ином мире*", состоящем из "*восторгов и чудес*" [13, с. 208]. Аллитерационный эпитет "*чистыми*" – фокус "образных словосочетаний, словесной цепочки", так называемое "словозвезда" [10, с. 7]. Индивидуальная яркость аллитерационной эпитетной комбинации "*чистыми слезами*" подтверждается фактом отсутствия этого сочетания в словаре эпитетов русского литературного языка [6]. Подобные примеры служат доказательством того, что поэтическое сознание Фованова имело импрессионистический характер – традиционное преддверие символистского восприятия.

Архитектурное расположение аллитерационных эпитетов в середине стиха в фовановских стансах отличается еще одной особенностью. Во многих случаях прямого расположения эпитета и определяемого слова наблюдается "аллитерационная инверсия", т.е. порядок следования согласных звуков в эпитете меняется на обратный в определяемом слове: "*Твоя улыбка с дерзким взором*" [13, с. 147]; "*Стучится бледная нужда*" [13, с. 208]; "*А дни идут ... На мое ртвое вчера*" [13, с. 104]. Несмотря на кажущуюся содержательную простоту приведенных сочетаний, они тоже не зафиксированы в словаре эпитетов [6]. Особой художественно-смысловой выразительностью обладает аллитерационный эпитет "*бледная нужда*". В нем сконцентрированы вся горечь жизненных переживаний автора и страстное стремление к духовному преодолению материального нищенствования. В таком порыве Фованов актуализирует романтические мотивы и приближается к символистскому дуализму. Функциональная значимость аллитерационного эпитета "*бледная нужда*" усиливается его двойным повторением в первой и в последней строфах. Автор создает архитектурные предпосылки к созданию композиционного кольца, но еще не в полной мере использует весь художественный потенциал такого приема.

В пятистопных ямбических стихах аллитерационные эпитеты преимущественно попадают на архитектурно-силовое место – клаузулу (рифму). Такое внешнее усиление предполагает интенсивное углубление семантики поэтического текста. В "Стансах" 1906 года Фофанов с максимально возможной полнотой использовал весь потенциал такого инвариантного расположения аллитерационных эпитетов:

*Когда пройдут стремлѣнья молодѣе,
Остынет кровь, поработится ум, –
Опять взгляни на звѣзды золотѣе, –
Опять ручья подслушай тихий шум* [13, с. 227].

Строгая упорядоченность строфической модели в соответствии с правилом альтернанса (AbAb Я5) дополняется усиленным параллелизмом в инверсивном расположении аллитерационных эпитетов "стремлѣнья молодѣе" – "звѣзды золотѣе". Архитектурно-напряженная конструкция, реализованная в чередовании женских и мужских рифм, обеспечивает неразрывное смысловое единство диалектического характера: строфа заключает две мысли, каждая из которых расположена в первом – втором и третьем – четвертом стихах. Лирический сюжет движется от моделирования возможной ситуации к побудительным призывам. Семантически эпитеты "молодѣе" – "золотѣе" находятся в разных стиховых парах, но архитектурное расположение сокращает смысловую дистанцию между ними. Между собой эти эпитеты также сближаются через сонорный звук "л", который открывает второй слог в каждом слове. Благодаря архитектурному расположению аллитерационных эпитетов "стремлѣнья молодѣе" претерпевают качественный переход в "звѣзды золотѣе". Очевидно, этой метаморфозой Фофанов очень дорожил, и в заключительной строфе стихотворения поэт возвращается к испробованной архитектурной модели:

*Припомни же стремлѣнья молодѣе,
Свою борьбу, отвагу первых дум!
Опять взгляни на звѣзды золотѣе
И у ручья подслушай прежний шум* [13, с. 228].

Прихотливые фонические связи образуют новые варианты семантических рядов: *стремлѣнья – прежний; молодые – дум; первых – прежний; первых – звезды* и т.п. В итоге, стремлѣнья молодые через думы при свете звезд золотых превращаются в прежний шум. Ручей бытия все возвращает на круги своя. Важность именно этой мысли подтверждается обрамляющим все произведение композиционным кольцом, что противоречит жанровой природе стансов. "Требование композиционной независимости строф, составляющих стансы, выражается в запрещении смысловых переносов из одной строфы в другую (строфического "enjambement") и в обязательности самостоятельных рифм, не повторяющихся в других строфах" [11, с. 9]. Фофановское введение в стансовую структуру композиционного кольца (с повторением одних и тех аллитерационных эпитетов, которые к тому же составляют рифмованную пару) может получить двойное объяснение: или же поэт обладал достаточной поэтической смелостью, или же ему не хватило элементарной жанровой культуры. Однако в любом случае, такое неожиданное совмещение стансов и

композиционного кольца усиливает медитативный характер лирического звучания и обеспечивает полноту философских обобщений. Архитектоническое повторение одних и тех же аллитерационных эпитетов в начале и в конце стихотворения четче устанавливает его "лейтмотивный пульс", структурную определенность смысла.

Вместе с тем, Фофанов несколько усложняет архитектурную модель расположения эпитетов в последней строфе. Во втором и четвертом стихах появляются эпитеты ("*пёрвых*" – "*прéжний*"), которые отчасти "обновляют" содержание строфы. Поэт играет ритмическими вариациями, подчиняя первый и третий стихи (с эпитетами "*молодые*" – "*золотые*") характерному для пятистопного ямба совпадению законов регрессивной акцентной диссимиляции и восходящего начала. Метрическая плавность переходов от ударных к безударным стопам соответствует смысловым переходам, о которых говорилось выше.

Второй и четвертый стихи последней строфы (с эпитетами "*пёрвых*" – "*прéжний*") организованы с нарушением законов восходящего начала и регрессивной акцентной диссимиляции. Эти стихи начинаются удлинённой анакрузой (трехсложной) – ударная не только последняя стопа, но и предпоследняя. Ритмическое своеобразие обусловлено архитектурным расположением аллитерационных эпитетов. Колебания ударности, вторичная волна ритма, опорно-архитектоническое размещение аллитерационных эпитетов организуют прихотливое течение лирических переживаний от молодости с первыми думами до золотых звезд с прежним шумом.

При всей строфической определенности и предполагаемой однообразности стансы Фофанова отличаются значительным диапазоном использованных строфических моделей, своеобразие которых обусловлено вариантами архитектурного расположения аллитерационных эпитетов. Благодаря особому размещению аллитерационных эпитетов в стихе и в строфе, их взаимодействию с такими архитектурными компонентами, как анакруза, клаузула, рифма, строфическая модель, стансы Фофанова отличаются неповторимостью и достаточно высоким уровнем поэтического мастерства.

Искусное архитектурное расположение аллитерационных эпитетов в поэтическом тексте способствует семантическому обогащению и расширению смыслового пространства в контексте каждого конкретного произведения. Грамматическая природа аллитерационных эпитетов позволяет им стать исключительно экспрессивным элементом в стансовой строфической модели. Наибольшей активностью в стансах Фофанова отличаются строфические модели, в которых аллитерационные эпитеты находятся в середине стиха. Особой выразительностью обладают архитектурные модели, в которых аллитерационные эпитеты расположены в окончании стиха. Доминирование этих типов архитектурного расположения аллитерационных эпитетов отличает стансы Фофанова среди других произведений жанра. Необходимо отметить, что Фофанов полностью отказался от использования в стансах таких архитектурных модификаций, в которых аллитерационные эпитеты обрамляют стих или повторяются в разных позициях (комбинированное располо-

жение). Возможно, творческая свобода поэта была скована жесткими требованиями строфической организации стансов или же Фофанову все же не хватило потенциала "революционного" стихотворчества.

Отводя аллитерационным эпитетам опорные места (начало, середина, окончание стиха) в архитектурной конструкции стансов, Фофанов добивался не только укрепления строгой строфической упорядоченности текста, но и конкретизации общих направлений в лирической динамике и экспрессии стансов. Вполне перспективными выглядят дальнейшие исследования особенностей архитектурного расположения аллитерационных эпитетов в стансовых произведениях русской литературы, а также сравнительно-типологическое изучение специфики функционирования таких эпитетов в стансах украинской, русской, западноевропейской поэзии.

1. *Баевский В.С.* История русской поэзии. 1730-1980. Компендиум. – Изд. 4-у. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 344 с.
2. *Брусенская Л.А.* Учебный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 256 с.
3. *Вишневский К.Д.* Архитектоника русского стиха XVIII – первой половины XIX века // Исследования по теории стиха. – Л.: Наука, 1978. – С. 48-65.
4. *Жирмунский В.М.* Поэтика русской поэзии. – СПб.: Азбука-классика, 2001. – 496 с.
5. *Квятковский А.* Поэтический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 369 с.
6. *Горбачевич К.С.* Словарь эпитетов русского литературного языка. – СПб.: Норинт, 2001. – 224 с.
7. *Гусев Н.Н.* Летопись жизни и творчества Л.Н. Толстого. 1891-1910. – М.: Гослитиздат, 1960. – 918 с.
8. *Качуровський І.* Строрфіка. – К.: Либідь, 1994. – 272 с.
9. Краткая литературная энциклопедия. – Т. 1-9. – М.: Сов. энцикл., 1962 – 1978.
10. *Мирошникова О.В.* Лирическая книга: архитектура и поэтика (на материале поэзии последней трети XIX века). – Омск: Омск. гос. ун-т, 2002. – 140 с.
11. М.Ш. [Штокмар М.] Стансы // Литературная энциклопедия: В 11 т. – [М.], 1929-1939. Т. 11. – М.: Худож. лит., 1939. – С. 9.
12. Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. – 606 с.
13. *Фофанов К.М.* Стихотворения и поэмы. – М. – Л.: Сов. писатель, 1962. – 334 с.
14. Эпитет в русском народном творчестве. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 144 с.
15. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

Summary

The article is dedicated to consideration of basic architectonic models of alliterational epithets in the texts of stanzas genre. Fundamental architectonic models that are met with in Fofanov's stanzas, character of functional role of alliterational epithets in a poetic text, means of actualization of artistic-expressive potential in concrete architectonic modifications of alliterational epithets are analyzed.

Key words: epithet, architectonics, alliteration, strophe, stanzas.